

**народная артистка СССР,
лауреат Государственной премии СССР**

-КОГДА я вижу у театров людей, жаждущих «лишнего билетика», когда смотрю по телевизору на лица зрителей, всецело поглощенных действием на сцене, я думаю про старую и вечную истину: не хлебом единым жив человек. Почему людей из их квартир, где каждую минуту происходит настоящая жизнь с настоящим горем и счастьем, влечет к себе мир сцены, где все полно условности, где люди в гриме, небо нарисовано, деревья приклеены?.. Почему? Всю жизнь я пыталась разобраться в тайнах искусства, понять суть взаимосвязи искусства и действительности. Признаюсь, для этого мне не хватило моих шестидесяти лет служения театру. Мне кажется, все слова неточны, чтобы выразить, в чем она — притягательная сила искусства. Может быть, в том, что искусство дает людям возможность узнать знакомое и познать неведомое, открыть для себя истину и ошеломляющую новость. И еще один мой вывод: искусство — вечный ученик действительности и учитель ее.

Многое пришлось мне пережить: вдохновение, любовь, разочарование, утрату близких, осуществление заветного, скорбь по несбывшемуся, радость жизни с самого утра, грезы, слезы, розы... Все было в моей жизни, и все шло в копилку под названием «профессия — актриса». Жизнь «работала» на то, чтоб на маленьком пространстве сцены выразить действительность во всем ее необъятном просторе, передать ее стремления. Я смею надеяться, что вместе со мной—актрисой те же чувства пережили и мои зрители. Я никогда не относилась к ним как к «публике», я относилась к ним как к «родному народу». Мне важно было, чтобы в мою героиню поверили, чтоб ее полюбили и возненавидели, как она того заслуживает, чтоб ее враги стали врагами зрителей, ее друзья — их друзьями.

«Единственный царь и владыка сцены — талантливый актер», — говорил Станиславский. Эта истина подсказала мне один очень простой принцип работы. Настоящий актер не должен во

всем соглашаться с режиссером, он должен, непременно, оставлять себе что-то «свое» — собственную фантазию, воображение, собственную жизнь на сцене. Я знала про этот секрет и, хитро со всеми соглашаясь, представляла себе тайны, которые приносили мне радость.

Мои, как мне кажется, лучшие роли — это Нора в одноименной пьесе Ибсена, Нелли в «Униженных и оскорбленных» по Достоевскому, Надежда Леонидовна из «Снимается кино» Радзинского, тетя Тася из пьесы Арбузова «Годы странствий». У каждого актера есть роли-судьбы, по которым их знают и вспоминают. Моя судьба — судьбы этих женщин. Счастливы они были или несчастливы, умны или легкомысленны, любимы или одиноки — они несли в себе «вечно женственное». Они умели любить, изгонять смуту из человеческих душ, жертвовать собой во имя хотя бы небольшой радости других.

Семнадцать лет я выходила на сцену театра имени Ленинского комсомола, чтобы создать образ женщины, удивительной в своей моральной чистоте, в доброте и верности своего сердца. Это — Мария Александровна Ульянова. Пьесу «Семья» написал Иван Федорович Попов. Он не был драматургом. Старый большевик, он хорошо знал семью Ульяновых, и я в то время, 40-е, 50-е годы, режиссер и актриса театра имени Ленинского комсомола, просила его специально написать для театра пьесу, которую позже и поставила. Образ Марии Александровны Ульяновой прожил на сцене долгую жизнь. После каждого спектакля у меня было такое чувство, что я сделала что-то очень важное. Я видела, как воздействует на зрителей встреча с этой удивительной женщиной. Это было влияние какое-то необыкновенно высокое, очищающее. Разве не в этом счастье актрисы! Видеть просветленные лица людей, знать, что они унесут в своем сердце образ добра и света, знать, что искусство, которому ты служишь, делает людей хоть чуточку лучше, помогает им в жизни.